

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПСЕВДО-ИСААКОВЫХ ПАМФЛЕТОВ
В ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

После потери Аршакидской Арменией политической самостоятельности (с конца IV—начала V в.) территория Армении, как известно, разделена была между двумя соседними государствами: сначала между сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей—Византией (V—VII вв.), а затем между арабским халифатом и Византией (VII—IX вв.).

В этих условиях восточная Армения, включавшая большую часть армянских земель под владичеством последовательно Ирана и халифата, испытывала гнет режима сасанидских марзпанов и арабских эмиров, западная же Армения, в составе I и II Армении до Юстиниана I и Малой Армении (I—IV) в целом после Юстиниана, находилась под гнетом режима византийских правителей. Не говорим уже о том, что Армения служила вообще плацдармом военных действий между восточными и западными державами.

Политика Ирана и халифата, с одной стороны, и Восточно-Римской империи и Византии, с другой, по отношению к Армении в основном направлена была на полное — и военно-политическое, и экономическое — порабощение ее, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до полной ассимиляции армянского населения с иранцами и затем арабами на востоке и с греками (византийцами) на западе.

Армянская крестьянская масса, изнывавшая под тяжестью налогового бремени оккупантов одинаково в обеих частях Армении и страдавшая притом от гнета „собственных“ нахараров — феодалов, не раз выступала против своих угнетателей.

Иногда восстания носили характер народно-освободительных движений, в которых с целью использования их принимали участие недовольные тою или иною державой нахарары. Более того: движения, направленные против Ирана или халифата, нередко возникали и развивались не без поддержки Восточно-Римской империи или Византии; и, наоборот, движения против Рима или Византии находили поддержку со стороны Ирана или халифата.

Касаясь, в частности, положения Армении в эпоху арабского владычества в VII—IX вв., покойный акад. Я. А. Манандян совершенно справедливо указывал, что это владычество „было для Армении гибельным“, причем „во время периодических повторявшихся войн между Византией и халифатом Армения неоднократно меняла свою ориентацию, беспощадно опустошаясь и той, и другой стороною“. Мало того: „Если она

оставалась верна халифату, жестоко наказывали ее греки; если же она переходила на сторону Византии, мстили ей арабы“.¹

Известны мероприятия сасанидского Ирана и затем халифата по удержанию армян от влияния греко-византийцев и их идеологии — религии мелькитов, т. е. халкедонитства с ее диофизитской христологиею, и, наоборот, политика Византии по вовлечению тех же армян в систему „римских“ юридических и обычноправовых институтов, с навязыванием им идеологии (христологии) халкедонитства — диофизитизма.

Вспомним свидетельство грузинского писателя IX в. Арсения Сафарского о том, как Пероз Сасанид (457—484), вызвав к себе армянских вельмож, предложил им: „Выбирайте любую из религий сирийцев, кроме [религии] мелькитов, которые по религии [те же] греки, или же покиньте страну свою и удалитесь от нас“.²

Вспомним мероприятия Юстиниана I, направленные на инкорпорацию Византией Малой Армении, с установкой постепенного слияния армянского населения с имперским, равно как агрессивную политику преемников Юстиниана I (Маврикия, Фоки, Ираклия, Юстиниана II и др.) по отношению к Армении вообще.

Агрессивный характер восточной политики Византии всплывает, между прочим, в полемической литературе, особенно с IX в., каковы: переписка между константинопольским патриархом Фотием и армянским великим князем Ашотом (861—885),³ переписка между васпураканским армянским царем Гагиком (920—944) и византийским императором Романом I, между армянским католикосом Хачиком (973—992) и мелитинским греческим митрополитом Феодором и др.⁴

Агрессивная политика Византии по отношению к Армении и армянам вообще находила свое выражение в литературе, особенно в памфлетах, которые сочинялись греко-византийскими деятелями по поводу любого случая и для большего авторитета приписывались представителям армянской церковной иерархии вплоть до католикоса — патриарха, другими словами говоря, пускались в обращение под вымышленными именами авторов.

Предлагаемая ниже вниманию читателя статья представляет собою попытку датировки одного из самых распространенных в греко-византийской литературе полемических трактатов памфлетного жанра; над которой (датировкой) на протяжении почти трех столетий (1658—1950) тщетно ломали головы представители западноевропейского (отчасти и русского дореволюционного) византиноведения, подходившие к разрешению этой проблемы без учета богатейшей литературы народов Советского Союза, в частности армян и грузин, притом зашедшие в тупик благодаря негодности их приемов исследования.

В статье показано, как памятник древнегрузинской литературы, безусловно IX в., может послужить надежным ключом для разрешения

проблем армяно-византийских отношений с перенесением центра тяжести спорного на протяжении 300 лет вопроса из рамок XI—XII вв. в IX век.

¹ Я. А. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 6; он же. Краткий обзор истории древней Армении. М.—Л., 1943, стр. 28.

² Ф. Д. Жордания. Хроники, I. Тбилиси, 1893, стр. 315—316. (На груз. яз.).

³ Ответ Ашота на послание Фотия писан, по повелению Ашота, армянским вардапетом Сааком (Исааком).

⁴ См.: Книга посланий. Тифлис, 1901, стр. 279—294, 295—301, 302—322. (На арм. яз.); Православный палестинский сборник, т. XI, вып. 1, СПб., 1892, стр. 179—279.

В издании Миня¹ помещено несколько трактатов догматико-полемического характера под общим заглавием: „Anno Domini MСXLV. Isaacus Magnae Armeniae Catholicus“ — Notitia, которые известны были в печати и раньше, но в разрозненном виде, по публикациям Комбефиса² и А. Галланда.³ Эти трактаты следующие:

1) „Oratio invectiva adversus Armenios“ („Λόγος στηλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων“),⁴

2) „Oratio invectiva adversus male sentientes ac haereticos Armenios“ („Δόγος στηλιτευτικός περὶ τῶν κακοδόξων Ἀρμενίων καὶ αἰρετικῶν“);⁵

3) „Narratio de rebus Armeniae“, состоящая из двух разделов: „Narratio a sancti Gregorii tempore“ („Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου“) и „Catholici Armeniae“ („Καθολικοὶ τῆς Ἀρμενίας“), с добавлением под общим заглавием: „Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici“, включающим в себя один раздел — „Kenuntiatio haereticorum Armeniorum“ („Ἀποσταξίς τῶν αἰρετικῶν“).⁶

Трактаты эти, в особенности первые два, представляют интерес и для литературоведения, поскольку они, по справедливому замечанию И. Троицкого, „составляют квинтэссенцию того, что было сказано и написано в православной полемической литературе против армянской церкви самого ядовитого и обидного для армян“; причем „все последующие памфлеты — и греческие и русские — возводятся к этим произведениям, как к своим первоисточникам и прототипам, у которых заимствуют не только содержание, но и манеру изложения“, поскольку „многие из них буквально переписывают отсюда целые тирады, другие позволяют себе несколько варьировать раскрытые здесь темы, третьи, наконец, поднимаются до свободного творчества, удерживая лишь общую почву вымысла со своими образами“, а „коллекция этих памфлетов довольно богата и разнообразна“.⁷

Хотя у Миня трактаты эти помещены под 1145 г., чем, очевидно, предрешена датировка их первой половиной XII в., однако издатель, не ограничиваясь перепечаткой их по А. Галланду, снабжает свое издание заметкой из предисловия последнего, где отмечается сомнение, высказанное Фабрицием⁸ относительно данной датировки, взамен которой предлагается вторая половина того же XII в.

К. Галан, касаясь первых двух трактатов, именно „Λόγος στηλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων“, согласно изданию Комбефиса, оспаривает принадлежность их католикосу Исааку, жившему, по мнению греков, в XII в., на следующих основаниях: 1) между армянскими католикосами этого века не было ни одного, который носил бы это имя; 2) склад речи этого сочинения совершенно греческий; 3) в нем излагаются специально греческие пункты обвинений против армян.⁹

Тем не менее тот же К. Галан, как это ни странно, под рубрикой „Armeniorum pseudomagistri, quorum haeresis in hoc opere refutantur“, или же „Armeniorum pseudomagistri, qui fidem Catholicam oppugnarunt“, между годами правления католикосов Григория и Захария и Григория

¹ MPG, 132.

² Combefis. Auctarium novum, t. II.

³ A. Galland. Veterum patrum Bibliotheca, t. XIV.

⁴ MPG, 132, стр. 1155—1218.

⁵ Там же, стр. 1217—1238.

⁶ Там же, стр. 1237—1266.

⁷ И. Троицкий. Изложение веры церкви армянская. СПб., 1875, стр. 248.

⁸ Bibliotheca graeca, t. X, стр. 175, прим. XX.

⁹ Cl. Galanus. Consiliations ecclesiae Armenae cum Romana ex ipsis armeniorum patrum et doctorum testimoniis, t. I₂, Romae, 1658, стр. 9—10.

и Нерсеса Клайского помещает Исаака: „Isaac dictus a graecis Magnae Armeniae Catholicus“, — т. е. в XII в.¹

Вот слова К. Галана и перифраз их в „Готовом ответе“ (Мзаметквелеба) грузинского ученого — католика XVIII в. Антония I.²

По К. Галану

Isaac, dictus a Graecis Magnae Armeniae Catholicus. A popularibus haereticis, quorum insanias repellere, internicina insectatione exagitatus est, quare Constantinopolim sub Graecorum patrocinio se recipiens, ibi Orationem invectivam adversus Armeniorum religionem composuit, in qua tamen ultra quam satis erat, in suae nationis vituperatione. . .³

По Антонию

Исаак, который был назван греками католиком великия Армении, из-за проповеди православия был отвергнут еретиками и отправился в Константинополь, где написал книгу об армянском ритуале, полную обвинений и злословия.⁴

Касаясь разноречивых мнений по вопросу о датировке „Λόγοι στῆλι-τευτικοὶ κατὰ Ἀρμενίων“, И. Троицкий заявляет, что он не берется „защищать ни того, ни другого мнения“, а лишь констатирует, что „автор этого сочинения, кто бы он ни был, жил не позже XII века, так как самое сочинение встречается уже в рукописных греческих сборниках XII века“.⁵

Троицкий отмечает, что „оно находится между прочим в рукописном греческом сборнике Моск. Синод. библ. за № X in 8°, написанном на пергамене и относимом профессором Маттэи к XII веку“, причем „от начала до конца оно совершенно тождественно с напечатанным у Комбефиза, с тем лишь различием, что в оглавлении нет имени католика Исаака“. Потому-то Троицкий совершенно резонно задает вопрос: „Не служит ли и это к подтверждению мнения Галана?“⁶

Одновременно с этим, не соглашаясь с мнением большинства ученых, которые „относят это произведение к XII веку“, притом приписывая таковое „небывалому католику Исааку“, И. Троицкий полагает „вернее отнести его к XI веку и именно к первой его половине“, так как автор довольно часто ссылается на авторитет римской церкви и вообще говорит об этой церкви таким языком, каким православные греческие богословы говорили лишь до разделения церквей при Михаиле Керулла; и в 1054 году“.⁷

Мы тут не касаемся мнений, высказанных по данному вопросу такими деятелями из самих греков, как Евфимий Зигабен, Каллистос, Никита Лониат и другие, а только отметим, что в противовес датировке Фабриция, Галана и прочих мы замечаем у И. Мансветова тенденцию отодвинуть упомянутого Исаака „по крайней мере на столетие раньше“, именно потому, что „на него, только под именем Иоанна митрополита никейского, ссылается Никон Черногорец в своих рассуждениях о посте Успенском“. При этом Мансветов высказывает такого рода предположение: „Вероятно, Исаак, католикос, перешедший в православие, был принят в состав греческой иерархии и получил кафедру

¹ С1. Galanus, ук. соч., стр. 23—24.

² Л. Меликсет-Бекоев. Латинско-армянские источники „Готового ответа“ Антония I. Труды Тбилисс. Гос. ун-в. им. И. В. Сталина, т. XXX—XXXI, 1947, стр. 97—112. (На груз. яз. с русск. резюме).

³ С1. Galanus, ук. соч., стр. 23—24.

⁴ Мзаметквелеба. Тбилиси, 1892, стр. 15. (На груз. яз.).

⁵ И. Троицкий, ук. соч., стр. 182, прим. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 248 и прим. 1.

митрополита никейского“ и „под этим именем он и цитируется у Никона, тогда как сочинение его, для большей убедительности в глазах армян, удержало имя католикоса Исаака“.¹

Видный историк Армении, член Венецианской конгрегации мхитаристов, Михаил Чамчян, еще в конце XVIII в. высказывал сомнение относительно подлинности трактатов с именем „католикоса великия Армении Исаака, якобы, XI века“, поскольку „в это время никакого католикоса Исаака не было“.²

Таковы же приблизительно высказывания исследователей XX в.: Б. Саргисяна,³ Г. Тер-Саакяна,⁴ С. Вебера⁵ и других, по мнению которых „Исаак католикос великия Армении“ — это фикция, за которую скрывается некий иерей Исаак, перешедший в халкедонитство.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом об авторстве и датировке третьего трактата, в частности его первого раздела, дошедшего до нас под заглавием „*Διγύησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, относительно которого еще К. Крумбахер высказал положение „об идентичности его в большей части с трактатом Дмитрия Кизикского“⁶ — положение, оказавшееся приемлемым для венецианских мхитаристов Л. Алишана и Б. Саргисяна.⁷

Кроме того, нашлись исследователи (например абба Martin), которые отнесли редакцию этого последнего трактата к VII в.⁸ Другие же установили связь с ним одного из посланий патриарха Фотия к армянам. При этом попутно высказано было положение о восхождении этого послания к армянскому подлиннику, ввиду наличия в греческой редакции множества следов армянского правописания, в частности при упоминании лиц и мест, равно как в перепутанной орфографии собственных и нарицательных имен и формообразовании.

Член же венской конгрегации мхитаристов Нерсес Акинян первоначально (1910)⁹ признавал этот трактат за „анонимное сочинение, относимое ко 2-й половине VII века“, а затем (1935)¹⁰ — как сочинение анонима первой четверти VIII в., который имел под рукой писания иерея Езника¹¹ и первый раздел „Истории“ Лазаря Парбского.¹² При этом Акинян, независимо от венецианцев, полагает, что трактат этот некогда должен был существовать и на армянском языке.¹³

¹ И. Мансветов. О постах православной восточной церкви. М., 1886, стр. 11 ср.: Л. Меликсет-Бек. Грузинский извод сказания о посте „араджавор“. Христианский Восток, т. V, Пгр., 1916, стр. 79—80.

² М. Чамчян. История Армении, т. II. Венеция, 1785, стр. 1026. (На арм. яз.).

³ Б. Саргисян. Григорий — архидиакон, писатель VI века... „Базмавец“ (Polyhistor), 1904, стр. 122—123. (На арм. яз.).

⁴ G. Ter-Sahagian. Un fragment grec d'Histoire ecclésiastique de l'Arménie. BZ, Bd. XIX, H. 1—2, 1910, стр. 43—45.

⁵ Simon Weber. Ueber die Versuche den Verfasser der Invektiven gegen die Armenier (MPG, 132, p. 1154 sq.). „Huschardzan“, Festschrift, Wien, 1911, стр. 175—180.

⁶ Karl Krumbacher. Geschichte d. byzantinischen Litteratur. 2. Auflage, München, 1897, стр. 89.

⁷ Б. Саргисян, ук. соч., стр. 122.

⁸ Там же.

⁹ Нерсес Акинян. Кирион, католикос Грузии. Вена, 1910, стр. 99, прим. 1. (На арм. яз.).

¹⁰ N. Akinian. Die historischen Quellen zur Periode 380—450 n. Chr. „Handes Amsorya“, 1935, № 10—12, стр. 459—460. (На арм. яз.).

¹¹ Изданы в качестве приложения к „Истории“ Самуила Анийского. Вагаршапат, 1893, стр. 266—268. (На арм. яз.).

¹² История Армении Лазаря Парбского. Критическое издание, Вагаршапат—Тифлис, 1903. (На арм. яз.).

¹³ Н. Акинян. Кирион, католикос Грузии, стр. 290.

Данная статья была уже написана, когда появилась заметка Г. Жерара,¹ с которой, однако, мы не имели возможности ознакомиться.

Вопрос о датировке антиармянских полемических трактатов грековизантйской литературы, по нашему мнению, упирается в два момента из области арменистики и грузиноведения: первый момент — это вопрос о католикосе Исааке, для разрешения которого требуется экскурс в область армянской церковной истории; и второй — это вопрос о степени использования означенных трактатов в древнегрузинской литературе, с установлением *terminus post quem* по соответствующих перифразов и переводов, что, в свою очередь, может оказать определенную услугу для установления исходных суждений о существовании греческих подлинников или прототипов.

В анналах армянской церкви известно трое католикосов (патриархов) по имени Саак или Исаак: первый — Саак Парфянин (Партев) по прозвищу „Великий“, в 387—439 гг., второй — Саак Улкуц (Улкеди), в 534—539 гг., и, наконец, третий — Саак Дзораторец (Дзоратореци), в 677—703 гг.² Последнего из них Иоанн Одзунец (Ованнес Одзнеци), бывший католикосом в 717—728 гг., в своем известном трактате „По поводу соборов, бывших в Армении“, внесенном в „*Liber epistolarum*“,³ причисляет к категории тех армянских патриархов, которые отличались своей приверженностью к халкедонитству. „Они, покорные исповеданию проклятого Халкедонского [собора]“, — так характеризует он своих предшественников по престолу св. Григория Просветителя, начиная от Ездры и кончая Ильею, как то: Ездру I (630—641), Нерсеса III (641—652, 658—661), Анастасия I (661—667), Исаакия I (667—677), Саака III (677—703) и Илью I (703—717).

Между тем разыскания Е. Тер-Минасяна с достаточной вескостью установили, что в Сааке Дзораторце не только нельзя видеть халкедонита того или иного толка, как это изображено у Кл. Галана,⁴ а, наоборот, необходимо усмотреть противника халкедонитства — диофизитизма.⁵ Апологетом монофизитизма и антихалкедонитом признает С. Дзораторца и М. Орманян.⁶

Древнеармянские историки, как, например, Иоанн Драсханакертц (X в.), Стефан Таронец по прозвищу Асохик (X—XI вв.), псевдо-Шапух Багратид (?) и другие, вообще не скупаются в сообщении подробных сведений о различных моментах жизни Саака Дзораторца как достойного ученика Федора Кртенавора, лучшего ритора (кердога), прославившегося своими выступлениями против арабов (тачиков) и умершего в ссылке в Харране.

¹ Garitte G é r a r d. Les écrits anti-arméniens dit du Catholicos Isaac. Louvain, 1950 (extrait de la Revue d'histoire ecclésiastique, 45, 1945, № 3—4, стр. 711—715).

² Хронология армянских католикосов-патриархов здесь и ниже приводится согласно М. Орманяну (M. O r m a n i a n. L'église arménienne, son histoire, sa doctrine, son régime, sa discipline, sa liturgie, sa littérature, son présent. Paris, 1910; The Church of Armenia, her history, doctrine, rule, discipline, liturgy, literature and existing condition. London, 1912; Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренняя история, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913).

³ Изд. на арм. яз. Тифлис, 1901, стр. 222.

⁴ Cl. Galanus, ук. соч., т. I. Romae, 1690, стр. 258—259.

⁵ Erwand Ter-Minassianz. Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nach den armenischen und syrischen Quellen. Leipzig, 1904, стр. 136 и passim.

⁶ М. Орманян. Азганатум, т. I. Константинополь, 1913, §§ 519, 520, 354. (На арм. яз.).

Анонимный же автор краткой хронографии под заглавием „Патриархи армянские, святые и нечестивые, православные и хулители“,¹ доведенной до 1193 г., про него пишет: „Саак диофизит [патриаршествовал] 17 лет;² он по заслугам был пленен Абдуллаем, и отправлен в Дамаск, и скончался в Харране“.

В истории древнеармянской литературы Саак Дзораторец известен как гимнолог³ и автор, по крайней мере, двух трактатов, из коих один церковно-канонического, а другой — догматико-полемического характера.

Первый трактат, внесенный в „Corpus juris canonici“⁴ армянской церкви, — это „Канонические ответы на вопросы Иоанна Стилита, епископа Сюнийского“, в 15 титулах, которые обычно называются „Канонами Саака Последнего“.

Второй трактат, внесенный в „Liber epistolarum“, — это „Изъяснение против диофизитов-несториан“,⁵ сказанное святым варданетом Сааком, католикосом армянским и великим переводчиком, согласно богословскому исповеданию исполненных духом святых отцов и установленных апостолами преданий, а равно истинному и православному исповеданию церкви армянской“.⁶

Тут сам собой напрашивается вопрос: из чего, собственно говоря, видно, что „Изъяснение против диофизитов — несториан“ принадлежит перу именно Саака Дзоратора, а не какого-либо другого Саака, в частности Саака Улкеца? Что автором этого трактата, именуемым „святым варданетом Сааком, католикосом армянским и великим переводчиком“, не может быть Саак Парфянин, — говорит Е. Тер-Минасян, — очевидно, поскольку в нем упоминается Филоксен Маббогский, известный поборник монофизитизма V—VI вв. Остаются двое других католикосов по имени Саак: один из них, часто упоминаемый, является предшественником католикоса Христофора I и патриаршествовал 5 лет (в 30-х годах VI в.), а другой — это Саак Дзораторец, бывший католикосом ранее предшественника Иоанна Одзунца, католикоса Ильи, следовательно в конце VII в., а быть может, даже в начале VIII в. Но „так как оппозиция против Халкедонского собора в эпоху Саака II не была так сильна, как это видно до данного трактата, то, — по мнению того же исследователя, — можно с большей вероятностью предположить, что Саак III как раз и является его автором“. „А если это так, то следо-

¹ См. рукопись новой коллекции б. вчмядзинского собрания, по старой нумерации № 929, стр. 440 (ныне в Матенадаране, т. е. Институте рукописей при Совете Министров Армянской ССР).

² Должно быть: 26 лет (677—703).

³ Н. Эмин. Шаракан—Богослужбные каноны и песни Армянской восточной церкви. 2-е изд. М., 1914, стр. 452.

⁴ Канонагирк (Книга канонов), изд. А. Клитчяна. Тифлис, 1914, стр. 131—135. (На арм. яз.); Ang. Maius. Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita, t. X, p. 2. Roma, 1838, стр. 300—312. Ср.: Л. Меликсет-Бек. Об источниках древнеармянского права. Изв. Кавк. Ист.-Археол. инст., т. II, Л., 1927, стр. 161.

⁵ Окрещивание приверженцев Халкедонского собора 451 г., наравне с эпитетом „диофизит“, также „несториане“, — обычное явление в древнеармянской литературе. См.: Е. Тер-Минасян. Несториане в Армении. Литер. разыскания, изд. Института литературы имени М. Абеяна Акад. Наук Армянской ССР, кн. I, Ереван, 1946, стр. 175—242. (На арм. яз.).

⁶ Гирк тхтоц (Книга посланий). Тифлис, 1901, стр. 413—482. (На арм. яз.). Ср.: Л. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской „Книги посланий“ и ученик Петра Ивера Иоани Майумский. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XI, 1941, стр. 51—53. (На груз. яз. с русск. резюме).

вательно пред нами налицо убежденный антихалкедонит-католикос до Ильи“.¹

Ввиду изложенного Е. Тер-Минасян и полагает, что заключающееся в трактате Иоанна Одзунца сведение о том, что все бывшие между Ездрой и Ильей католикосы являлись приверженцами халкедонизма, подлежит еще пересмотру.

Говоря о достижениях армянской литературы в X в., Н.Г. Адонц замечает: „К этому периоду относится и пространное слово против диофизитов, неверно приписываемое католикосу Сааку („Книга писем“, 413)“.²

Вопрос о симпатиях Саака Дзораторца к халкедонитству находится в тесной связи с вопросом о пребывании этого Саака в Константинополе, о чем вскользь говорится во „Всеобщей истории“ Стефана Таронца (X—XI вв.). Отметив, как в начале 4-го года царствования своего, т. е. в 690 г., император Юстиниан II во главе многочисленного войска пошел походом на Армению и у горы, называемой Арартаком (Араратом? — Л. М.-Б.), разделив свою армию на три отряда, направил их в Армению, Иверию и Алванию, а затем вызвал к себе правителей этих стран, которые вынуждены были против собственной воли явиться к нему, Ст. Таронец замечает: „Одних из этих князей он (Юстиниан) взял с собой, а у других вытребовал их сыновей в заложники, с ними армянского католикоса Саака вместе с 5 епископами, [которых] удержал у себя в заключении, ...сам же вернулся в Константинополь“.³

Учитывая то обстоятельство, что увод Саака в византийскую столицу лишь вскользь упоминается у Ст. Таронца, между тем как другие древнеармянские историки совершенно умалчивают об этом факте, М. Орманиян замечает, что даже тот, „который упоминает об этом событии, не дает никакого объяснения насчет того, сколько времени продолжалось пребывание Саака в Константинополе и чем оно кончилось“.⁴ В отношении Саака, в противовес Ездры и Нерсесу, „не было вообще оказано никаких почестей“; вдобавок еще этот самый Саак „содержался при императоре как заключенный и вместе с взятыми в заложники князьями и княжичами [трех стран] и пятью [армянскими] епископами был отправлен ссылкой в Константинополь“,⁵ причем получил он, Саак, возможность выйти на свободу лишь с низложением с престола императора Юстиниана II.⁶ На этом основании М. Орманиян считает что Саак этот „не подвергся бы таким стеснениям, если бы он был исполнителем воли императора“,⁷ другими словами говоря, если бы он отличался своими симпатиями к халкедонитству. Отсюда следует логический вывод о том, что Саак Дзораторец не только не был истым халкедонитом, но нет даже ни малейших оснований заподозрить его в какой-либо причастности к халкедонитству вообще.

¹ Erwand Ter-Minassiantz, ук. соч., стр. 136 и passim. Также: Des heiligen Irenäus Schrift zum Erweise der apostolischen Verkündigung, herausgegeben von Karapet Ter-Mekerttschian und Erwand Ter-Minassiantz. Leipzig, 1907, стр. V; Timotheus Älurus des Patriarchen von Alexandrien, Widerlegung der auf der Synode zu Chalcedon festgesetzten Lehre. Armenischer Text von Karapet Ter-Mekerttschian und Erwand Ter-Minassiantz. Leipzig, 1908, стр. XX, прим.

² Н. Адонц. Армянская литература. Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза—Ефрона, т. III, стр. 650.

³ Изд. С. Малхасяна, СПб., 1885, стр. 101; Степаноса Таронского, Асохика по прованию, Всеобщая история, пер. Н. О. Эмина. М., 1864, стр. 12.

⁴ М. Орманиян. Азгапатум, т. I, § 520. (На арм. яз.).

⁵ Там же, § 519.

⁶ Там же, § 520.

⁷ Там же

Не в таком, однако, свете выставляют Саака (Исаака) III Дзорпорца халкедонитские — греко-византийские и грузинские источники: с одной стороны — греч. *Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἀγίου Γρηγορίου* (в составе „*Narratio de rebus Armeniae*“) и с другой — груз. „*Рассказ из Истории*“, где читаем:

В греческой версии

Οἱ δὲ μαθηταὶ αὐτοῦ πληθυνθέντες, πάντες ἐξέκλιναν ἀπὸ τῆς ἀληθείας· καὶ διασπάρη ἡ αἵρεσις αὐτῆ ἐν τῇ χώρῃ ἐκείνῃ, ἕως Ἰουστίνου Καίσαρος τῷ ἐ' ἔτει, ἐν ᾧ καιρῷ καλέσας τὸν Ἰσαὰκ τὸν καθολικὸν σὺν τοῖς ἐπισκόποις εἰς Κωνσταντινούπολιν, ἦνωσεν αὐτοὺς τοῖς ὁμολογοῦσι τὰς δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν, τῆς θεότητος καὶ τῆς ἀνθρωπότητος, ἐν μιᾷ υποστάσει, ἀφύρτως, ἀδιαιρέτως καὶ διὰ τοῦτο ἐγγράφως ὤμοσαν, του μηκέτι γενέσθαι εἰς αὐτοὺς ἀντιλογίαν. Πάλιν δὲ, υποστρεφάντων αὐτῶν, οἱ κατὰ εἰσφθέντες ἐν τῇ Ἀρμενίᾳ, ἐδυτχέραινον τῇ τούτων ἐπιστάσει, ὡς ὁμοφρονησάντων μετὰ τῶν Ῥωμαίων. Καὶ λοιπὸν στάσεις καὶ συζητήσεις ἐποιοῦν μετὰ τοῦ Ἰσαὰκ καὶ τῶν συναπελθόντων αὐτῷ, λέγοντες· ὅτι «Ἐὰν μὴ στραφῆτε καὶ ἀναθεματίζετε αὐτοὺς, οὐ δεχόμεθα ὑμᾶς εἰς τόπον ἡμῶν». Αὐτοὶ δὲ ἀγαπήσαντες τὴν δόξαν τῶν ἀνθρώπων, ἢ τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ, πάλιν ἀνεθεμάτιζαν πρῶτον ἑαυτοὺς, ὡς κοινωνήσαντας τοῖς Ῥωμαίοις. Ευρέθησαν δὲ ἀνάτοι ἐν ταῖς κακίαις.¹

Это же самое указание греческого источника у К. Галана (XVII в.) и у зависящего от этого источника грузинского католикоса Антония I (XVIII в.) получило следующую формулировку:

В латинской версии

Isaac Patriarcha. Una cum subjectis episcopis, juniore imperante Justiniano, Byzantium petiit, ubi fidei vestigia perscrutati, duas Christi naturas, voluntates et operationes, jurejurando professi sunt.³

Не задаваясь вовсе целью заняться критическим разбором полемических трактатов в греко-византийской литературе, приписываемых католикосу Исааку, а только желая выяснить отношение таковых к католикосу Сааку III Дзорпорцу, М. Орманиян находит, что „никакого иного армянского католикоса по имени Саак, кроме Дзорпорца, указать нельзя, поскольку Саак IV Гарниец оказался лишь сопрестольником в 1624 году, а Саак Дюжий, хотя и был избран в 1755 году,

В грузинской версии
(в нашем переводе)

[Император Юстиниан] призвал католикоса Исаака с епископами в Константинополь и воссоединил их с исповедующими два естества в госпде нашем Иисусе Христе — божественное и человеческое, в одном лице, неслиянно и нераздельно; вследствие этого они письменно поклялись, дабы с их стороны по этому поводу отныне не было оказано сопротивления. Когда же они вернулись к себе на родину, в Армению, оставшиеся в Армении были опечалены тем, что они примкнули к грекам и, оказывая Исааку сильное противодействие расследованием дел его и иже с ними, говорили: „если вы не вернетесь к нам и не проклянете греков, не примем вас на ваши места“. Однако они, будучи тверды в себе, как согласные с греками, вновь проклинали предпочитающих величать людей, а не бога.²

В грузинской версии
(в нашем переводе)

Исаак, католикос армянский, совместно со своими епископами, по повелению императора Юстиниана Малого, отравился в царственный град Константинополь, и здесь они начали спор о святой вере и исповедали воплотившегося Логоса после соединения двух естеств и двух действий.⁴

¹ MPG, 132, стр. 1253.

² Ф. Ж о р д а н и я. Хроники, I, стр. 341. Ср.: Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I. Ереван, 1934, стр. 80, 81, 83—84.

³ Cl. Galanus, ук. соч., стр. 21.

⁴ Мзаметквелеба, стр. 15.

однако, не получив помазания, так и не был интронизован“; „в 1145 году же, — продолжает тот же автор, — на католикосском престоле восседал Григорий III Пахлавуни“, и „следовательно, католикосом Сааком, автором упомянутых трактатов, должен быть признан лишь Дзораторец“. Но так как трактаты эти приурочиваются к 1145 г., между тем как Саак Дзораторец патриаршествовал в VII—VIII вв., то потому М. Орманиян и полагает, что в данном случае имеет место некоторого рода подлог, выражающийся в том, что некий анонимный автор, писавший в 1145 г., умышленно приписал свои собственные произведения Сааку Дзораторцу.¹ Мало того. Этот автор вложил в уста Саака исповедь в том, что он, Саак, будучи рожден и воспитан среди еретиков и нечестивцев, милостью божьей познал истину и начал таковую проповедовать армянам, но последние, несколько раз созвав собор, решили умертвить его, Саака, почему он и вынужден был бежать и найти убежище в святой столице.² В другом месте указывается, что католикос Саак, отправившись при императоре Юстиниане Малом в Константинополь, вместе со своими епископами принял, мол, учение диофизитов; однако, когда он пустился в обратный путь в Армению, армяне пригрозили ему отлучением, и тогда он вновь вернулся [в лоно родной церкви и проклял халкедонитство. „И как же, зная все обстоятельства, — спрашивает М. Орманиян, — греки могли придать сочинениям католикоса Саака надписание «святого отца нашего»“.³

И вот в силу всех этих соображений, а также того обстоятельства, что у католикоса Исаака столица империи названа „святой столицей“, М. Орманиян и полагает, что в наличии фикции в признании авторства означенных трактатов за католикосом Исааком не может быть никакого сомнения.

Что же касается вопроса о том, что именно могло послужить поводом к учинению подобного литературного подлога, то насчет этого М. Орманиян высказывает следующие свои соображения: „Память о пребывании Саака в Константинополе подала повод пустить о нем ложные сведения и составить его именем ложные сочинения, и это, по всей вероятности, в то время, когда греки в XII столетии старались вынудить армян воссоединиться с ними“. Посему тот же автор утверждает, что „все эти сведения и сочинения лишены всякой достоверности, и самое то повествование о приобщении Саака к халкедонитству в бытность его в Константинополе легендарно“; „да и, если бы это было так, какое, — спрашивает он, — значение может иметь вынужденное заявление находящегося в ссылке или заточении католикоса“,⁴ каковое заявление содержится в приписываемом последнему „Обличительном слове на армян“.

Этот вывод М. Орманияна очень близок к тому, к которому, почти одновременно с ним и независимо от него, пришел С. Вебер, который, отрицая существование какого бы то ни было „Исаака, католикоса великия Армении“, как в XII, так и в VIII в. отвергает всякую возможность идентификации этого Исаака с Сааком III Дзораторцем.⁵

К сожалению, однако, ни М. Орманияном, ни С. Вебером не учтены высказывания по данному вопросу Б. Саргисяна и Г. Тер-Саакяна, сводящиеся к тому, что в греческой рукописи парижской Национальной

¹ М. Орманиян. Азгапатум, т. I, § 520.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ S. Weber. Ueber die Versuche den Verfasser der Invektiven gegen die Armenier... „Huschardzan“, Festschrift, Wien, 1911, стр. 180.

библиотеки за № 900 (стр. 144—149) аналогичный догматико-полемический трактат значится как коллективный труд четырех авторов: Филиппа-Монаха, Димитрия Кизикского, Исаака из Армении и Григория Дякона.¹ Более того. Один из списков коллективного труда этих именно четырех авторов опубликован у Миня.² И вот, сопоставляя этот коллективный труд четырех авторов *Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*³ и признав этих авторов за деятелей, живших позже VIII в., Г. Тер-Саакян специально останавливается на личности Исаака и находит, что „он был простым пресвитером“ („il était simple prêtre“) и что „греки-переписчики с целью придать его полемическим трактатам больший авторитет представили его как католикоса Армении“ („les copistes grecs, pour donner plus d'autorité à sa polémique, le présentent comme catholicos d'Arménie“). Но что курьезнее всего — это то, что те же „греки-переписчики“ упустили из виду, что этот патриарх умер в Персии („le copiste grec ignorait que ce patriarche est mort en Perse“).⁴

Несмотря на все вышесказанное, нам все же кажется, что ключ к разрешению спорного по сей день вопроса об авторстве и датировке полемических трактатов, связанных с именем католикоса Исаака, нужно искать не в греко-византийской или древнеармянской литературе, а в родственной им обем древнегрузинской письменности, являющейся в данном случае более надежным критерием для ряда исходных положений и заключений.

Касаясь известного в древнегрузинской литературе полемического трактата Арсения, католикоса мцхетского, родом из Самцхийской Сафары, об отделении армян от грузин, согласно изданию Ф. Жордания (Хроники, I, Тифлис, 1893, стр. 313—332, на груз. яз.), еще Н. Goussen высказал положение, что этот трактат во многом имеет точки соприкосновения с изданною Комбефисом „*Historia haeresis Monothelitarum*“⁵, равно как с опубликованною Шабо сирийской Хроникой Михаила Великого.⁶ Вслед за ним и венский мхитарист Н. Акинян высказал мнение, что „Арсений вообще основывается... на *Narratio de rebus Armeniae*, которая в настоящее время хотя и предложит (только) на греческом языке, однако некогда таковая должна была существовать и на армянском языке“.⁷

В изданном автором настоящей статьи в 1934 г. томе I „Грузинских источников об Армении и армянах“ (на армянском языке) были помещены в V и VI главах соответствующие материалы из сокровищницы древнегрузинской письменности, восходящие к древнегреческим первоисточникам или прототипам. Таковы, согласно нашему исследованию, трактат грузинского католикоса Арсения под заглавием „О разделении Грузии и Армении“, имеющий точки соприкосновения с „*Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, и сочинение анонимного компилятора под заглавием „*Рассказ из Истории*“, восходящее в первой своей части к „*Καθολικὸὶ τῆς Ἀρμενίας*“, а во второй — к „*Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“.

¹ G. Ter-Sahagian. Un fragment grec d'histoire ecclésiastique de l'Arménie. BZ, Bd. XIX, H. 1—2, 1910, стр. 43—44.

² MFG, 127.

³ MPG, 132.

⁴ G. Ter-Sahagian, ук. соч., там же.

⁵ Nov. Auctar, II, стр. 272 сл.

⁶ H. Goussen. Die georgische Bibelübersetzung. Oriens Christianus, VI. Jahrgang (1—2 Heft), Rom. 1906, стр. 315.

⁷ Н. Акинян. Кирион, католикос Грузии, стр. 289—290.

Это положение нами было выяснено и иллюстрировано путем сличения соответствующих — грузинских (в нашем переводе на армянский язык) и греческих — текстов.¹

Но древнегрузинские письменные источники, восходящие к „*Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“ и „*Καθολικοί τῆς Ἀρμενίας*“, могут быть привлечены и использованы в качестве критерия для установления *terminus post quem* по возникновению названных памятников греко-византийской литературы в их подлинниках, предпосылкой чему является более или менее точная датировка грузинских филиаций.

Тут прежде всего следовало бы остановиться на трактате, дошедшем до нас под пространном заглавием „Слово святого отца нашего Арсения, учителя, католикоса мцхетского, родом из окрестностей Самцхийской Сафары, о разделении Грузии и Армении“, автора которого, католикоса Арсения, относили то к VII,² то к VIII,³ то к X⁴ и даже к XIV⁵ в. Но в настоящее время среди грузиноведов по этому вопросу как будто царит полное единодушие: как нашими разысканиями,⁶ так равно исследованиями И. А. Джавахишвили⁷ и К. С. Кекелидзе⁸ окончательно установлено, что Арсений, католикос мцхетский, „родом из окрестностей Самцхийской Сафары“, — это автор второй половины IX в., ученик Григория Хандзтийского, „строителя Хандзты и Шатберда“, „Житие“ которого (в уникальном рукописном экземпляре) было открыто Н. Я. Марром в Иерусалиме.⁹

Прямое указание на то, что под автором трактата „О разделении Грузии и Армении“ католикосом Арсением, „бывшим „родом из окрестностей Самцхийской Сафары“, следует разуметь именно ученика Григория Хандзтийского — Арсения, содержится в „Житии Григория Хандзтийского“ (на груз. яз.).

Говоря о добрых друзьях Григория Хандзтийского — Феодоре и Христофоре, „Житие“ указывает, что „прибыв в Самцхию, божью

¹ Л. Меликсет-Бекоев. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 34—70, 77—86.

² С. Какабадзе. Разыскания по истории. Тифлис, 1924, стр. 55. (На груз. яз.).

³ П. Ингоркова. „Краткий очерк истории грузинской литературы. „Мнатоби“, 1939, № 10—11, стр. 221—222, 263—268. (На груз. яз.).

⁴ Ф. Жордания. Хроника, т. I, стр. 311.

⁵ Franz Nikolaus Finck, Die georgische Literatur. Die Kultur der Gegenwart, I, 7 (Sonderabdruck), Berlin und Leipzig, 1906, стр. 306.

⁶ О нашем докладе „Трактат грузинского католикоса Арсения (IX века) о разделении Грузии и Армении как памятник армяно-грузинских церковных отношений“, читанном в Тифлисе в Закавказском университете (1920) и Кавк. отд. Моск. археол. общ. (1921), см.: Известия Кавк. отд. Моск. археол. общ., вып. VI, под ред. Л. М. Меликсет-Бекоева и Д. П. Гордеева, Тифлис, 1921, стр. 55. Л. М. Меликсет-Бекоев. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 27, 70.

⁷ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (V—XVIII вв.). 2-е изд., Тифлис, 1921, стр. 61—63; то же, 3-е изд., Тифлис, 1945, стр. 83—86. (На груз. яз.). В первом издании 1916 г. глава об Арсении отсутствует.

⁸ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. 1-е изд., Тифлис, 1924, стр. 134—135. (На груз. яз.); то же, 2-е изд., Тбилиси, 1941, стр. 124—125; то же, 3-е изд., Тбилиси, 1950, стр. 121—122.

⁹ Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского, грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра, Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, VII, СПб., 1911; С. Кубанейшвили. Хрестоматия по древнегрузинской литературе, т. I. Тбилиси, 1946, стр. 98—156. (На груз. яз.); Георгий Мерчулэ. Житие Григория Хандзтийского и его друзей и учеников. Подлинник восстановил и исследованием снабдил П. Ингоркова, I, Восстановленный подлинник, Тбилиси, 1949. В дальнейшем сылки даны у нас по изданию 1911. Ср.: Л. Меликсет-Бекоев. Публикации письменных источников по истории Грузии, Каталог, I, Тбилиси, 1949, стр. 38—39. (На груз. яз.).

волею они взяли себе в ученики сына великого Миреана, азнаура, по имени Арсения, прозванного достойно Арсением великим, впоследствии католикосом Грузии, неуваждаемым венцом мцхетского престола¹. Но про Арсения то же „Житие“ способно сообщить нам более подробные сведения. Так, Арсений, будучи сыном великого самцхийского азнаура Миреана, до посвящения своего в католикосы состоял епископом на Адкурской кафедре в Самцхии; „впоследствии же, — как говорит „Житие“, — великий Арсений сделался католикосом Грузии в соборной церкви во Мцхете, обиталище христового хитона“². Но этого мало. То же самое „Житие“ сообщает нам самые подробные сведения о том, при каких обстоятельствах протекло посвящение Арсения в католикосы, как были кассированы первые выборы его, проведенные насильственно его отцом — Миреаном, вопреки желанию картлийских епископов и государя своего Гуарама, великого мампала, лишь при содействии сильного самцхийского воинства и в присутствии немногих епископов, и как поэтому оказалась необходимость в созыве специального собора при участии законного числа епископов, каковой собор, действительно созванный названным Гуарамом, после страстной речи Григория Хандзтийского санкционировал первоначальное избрание Арсения³. Сообщая, что „католикос Арсений есть волею божьей католикос“⁴, „Житие“ далее указывает, что этот Арсений „навел радость на все церкви Грузии“, ибо он „украсил патриарший престол и сам украсился благодатью“⁵. При этом то же „Житие“ добавляет: „Он (Арсений) был католикосом двадцать семь лет и затем, преставившись из этого мира, радостно явился ко Христу“⁶.

Все эти сведения из грузинского „Жития Григория Хандзтийского“ мы, конечно, привели с единственной целью — доказать идентичность Арсения, сына самцхийского азнаура (дворянина) Миреана и ученика Григория Хандзтийского, впоследствии католикоса мцхетского, с автором трактата „О разделении Грузии и Армении“ — Арсением, учителем, католикосом мцхетским, бывшим родом из „окрестностей Самцхийской Сафары“. Имея в виду, что Сафара, бывшая одно время знаменитой лаврой, расположена в Самцхии, в нескольких километрах от гор. Ахалцихе, данный вопрос мы и разрешаем в положительном смысле.

Что же касается вопроса о том, к какому времени должно быть приурочено время жизни и деятельности автора данного полемического трактата, то таковой разрешается очень просто: раз Григорий Хандзтийский жил с 759 по 861 г., а про Арсения сказано, что он в год смерти Ашота Куропалата (826) в шестилетнем возрасте вступил в монастырь, следовательно Арсений должен был родиться в 820 г. Сказано также, что он патриаршествовал 27 лет, причем, будучи католикосом, принимал участие в освящении старой церкви Хандзты еще при жизни своего учителя Григория; кроме того, он присутствовал на похоронах последнего, скончавшегося в 861 г. Католикосом он мог стать, согласно церковным канонам, не ранее достижения им 35-летнего возраста, т. е. приблизительно около 855 г., и ясно, что период католикосства Арсения должен быть определен 855—882 гг. Отсюда вывод, что трактат „О разделении Грузии и Армении“ должен был быть написан, во всяком

¹ Глава XIX, русск. пер., стр. 100.

² Глава XLII, русск. пер., стр. 119.

³ Там же, стр. 119—123.

⁴ Там же, стр. 121.

⁵ Глава XVII, русск. пер., стр. 123.

⁶ Там же

случае, не позже 882 г., при *terminus a quo* 862 г., как полагает К. С. Кекелидзе.¹

Сличение трактата католикоса Арсения „О разделении Грузии и Армении“, как произведения второй половины IX в., с соответствующими местами из „*Διηγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, первого раздела так называемой „*Narratio de rebus Armeniae*“, давно привело нас к выводу о зависимости произведения Арсения от греческого первоисточника, связанного с именем „Исаака, католикоса великия Армении“;² иначе говоря, греческий первоисточник должен был существовать не позже середины IX в.

Здесь мы, конечно, далеки от мысли заняться повторением того, что нами уже высказано печатно в 1934 г., и потому ограничиваемся сравнением одного лишь наиболее характерного пассажа из „*Διηγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“ и грузинского трактата „О разделении Грузии и Армении“.

В греческой версии

„*Ἄτινα γνωρίσας Νερσαπὸ ἐπίσκοπος τῷ Ναρσέσῃ τῷ καθολικῷ τῷ ὄντι ἀπὸ Ἀσταράξ, καὶ τοῖς Ἀζάτοις ἐδήλωσεν. Ὁρίσαν δὲ μεγάλην συνόδον ἐν πόλει Τιβήν, τῷ κδ' ἔτει τοῦ αὐτοῦ καθολικοῦ Ναρτέστη, καὶ τῷ ιβ' ἔτει Ἰουτίνου Καίσαρος, καὶ τῷ κδ' του Χοτρήη τῶν Περσῶν βασιλέως, καὶ τῷ ἐναυτῷ φ ἐμαρτυρήσασε Νεττιποστί, καὶ ἐν ἀρχῇ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν Ἀρμενίων ὅτε καὶ τὴν ἁγίαν σύνοδον τὴν ἐν Χαλκηδόνι ἀνεθεμάτισαν ὡς Νεστοριανήν, κατὰ τὸν λόγον Ἀπτισῶ, ὅτι αὐτῷ χρόνῳ τὰ Γραφῆς ἐρήμηνυσαν, τὰς ἐνεγείρας ἀπὸ τοῦ Ἀπτισῶ, τὰς προμνημονευθείσας, τὰς γραφεῖσας παρὰ Τιμοθέου καὶ Φιλικοῦ τῶν Συρων, κατὰ τῆς συνέδου τῆς ἐν Χαλκηδόνι, καὶ κατὰ τῶν ὁμολογούντων δύο φύσεις ἐπὶ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, καὶ ἐναντίαν σύνοδον ἐδογματίσαν, λέγοντες, μίαν φύσιν τοῦ Θεοῦ Λόγου καὶ τῆς σαρκὸς καὶ τῆ ἀθανάτῳ φύσει αὐτὸν ἐσταυρωῦσθαι καὶ τεθάναι· ἔθεν καὶ τὸ Ὁ σταυρωθεὶς, προσέθησαν εἰς τὰ Ἅγιος ὁ Θεὸς, κατὰ Πέτρον Κναφέα, τὸν παθόντα τὰ Σαβελλίου. Ὁρίσαν μετὰ τοῦ ἀναθηματισμοῦ ἀποστῆναι τῆς κοινῶναις Ἱερουσαλήμ...³*

В грузинской версии (в нашем переводе)

И епископ Нершапо уведомил католикоса Нерсеса, который был из Аштарак [в груз. тексте: Ашхаракли sic!] и злостный еретик, и некоего Петра Кердола, а также прочих епископов и азнауров, и приказали [созвать] второй великий собор в том же Двине, в лето второе [патриаршества] того же Нерсеса, в четырнадцатое — правления императора Юстиниана и во второе — царствования персидского царя Хосроя (в подлиннике: Жуасро), в тот [самый] год, когда замучен был святой Изид-бозид. И вновь прокляли тот святой собор Халкедонский, который назвали несторинским, согласно безбожному Абдишо (в подлиннике: Абдибо). И в тот же год выявили книги, переведенные еретиками — Тимофеем [Элуrom] и Филоксеном [Мабогским], которые были сирийцами и которые оказались первыми, написавшими против Халкедонского собора и двух естеств во Христе боге, и сделались покорными писаниям [Тимофея] Элура для того, чтобы похоронить себя самих, и сказали: „Едина природа слова божьего и телес“, и проповедали Христа распятым и умершим бессмертной природой, то есть прибавили „крест“ в „святой, боже“, которое есть „хачецаp“ (распятый за нас), согласно слову Петра Антиохийского (Валяльщика), который заражен был пороком Сабелия. И анафемой отвергли отступников от правой веры.⁴

¹ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. 3-е изд., Тбилиси, 1951, стр. 122. (На груз. яз.).

² Л. Меликсет-Беков. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 34—70.

³ MPG, 132, стр. 1244—1245; Ср.: Л. Меликсет-Беков. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 60.

⁴ Ф. Жордания. Хроника, т. I, стр. 324—325. Ср.: Л. Меликсет-Беков, ук. соч., стр. 40.

В такой же плоскости и в таком же аспекте разрешается вопрос об отношении древнегрузинского „Рассказа из Истории“ анонимного автора (IX в. ?) к трактату „Καθολικοί τῆς Ἀρμενίας“, составляющему собой II раздел так называемой „Narratio de rebus Armeniae“, где зависимость грузинского текста от греческого, как это также установлено нами, еще более очевидна и абсолютно неоспорима.¹ И поскольку „Рассказ из Истории“ представляется нам продолжением или дополнением трактата Арсения „О разделении Грузии и Армении“, проработанным поч.и одновременно или чуть позже после написания последнего, то и в данном случае необходимо прийти к выводу, что греческий прототип должен был существовать в IX в. И это — тем более, если им в том же IX в. пользовался патриарх Фотий в переписке с армянами.²

Коротко говоря, „Narratio de rebus Armeniae“ в обоих разделах — как *Διηγήσις ἀπο τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*, так и *Καθολικοί τῆς Ἀρμενίας* — должно было существовать в греческом подлиннике не позже IX в.

После всего сказанного, возвращаясь к вопросу об авторстве антиармянских полемических трактатов в греко-византийской литературе, приписываемых армянскому католику Исааку („Исааку католикусу великия Армении“), мы должны признать:

1. Никакого Исаака или Саака, „католикоса великия Армении“, не было после Саака III Дзорпорца, который патриаршествовал в 677—703 гг. и которого ни в какой мере нельзя признать причастным к халкедонитству и, следовательно, способным написать антиармянские полемические трактаты вроде тех, которые собраны и изданы (переизданы) Минем.³

2. Опубликованные Минем трактаты никак не могут быть датированы 1145 г. н. э., поскольку некоторые из них уже существовали на греческом языке в IX в., будучи в том же IX в. использованы в древнегрузинской литературе.

3. Поскольку авторство католикоса Исаака по отношению к этим трактатам, естественно, устраняется, сам собой встает вопрос о признании их автором некоего пресвитера Исаака, армянина-отщепенца, жившего не позже IX в., или же анонимного автора—грека, использовавшего имя армянского вардапета Саака (Исаака), который фигурирует в переписке армянского великого князя Ашота (861—885) с константинопольским патриархом Фотием; имя Саака было намеренно сопровождено вымышленной титулатурой: „католикос великия Армении“.

¹ Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 77—86.

² Православный палестинский сборник, т. XI, вып. 1, СПб., 1892, стр. 179—279.

³ МРГ, 132.